

АРХИТЕКТУРА БЛАГОВЕЩЕНСКОГО СОБОРА В СОЛЬВЫЧЕГОДСКЕ

Благовещенский собор в Сольвычегодске является одним из интереснейших и своеобразных памятников зодчества Русского Севера. Построенный в 1560—1584 гг. известнейшей купеческой фамилией Строгановых в своем родовом гнезде, он, несмотря на неоднократные упоминания в различных книгах и трудах как научного, так и популярного характера, до сих пор, по сути дела, остается практически неизученным¹. Не выяснены его место и значение в развитии архитектуры XVI века. Правда, необходимо сразу же отметить, что облик собора в своем нынешнем виде во многом далек от первоначального. За время своего более чем 400-летнего существования здание значительно изменило свои формы и дошло до наших дней с серьезными утратами и перестройками.

Письменные источники довольно скучно освещают историю собора и те изменения, которые происходили с его архитектурой. Так, уже в начале XVII в., в период Смуты, известно, что Сольвычегодск подвергся нападению в 1613 г. одного из польско-литовских отрядов, который частично разграбил церковную утварь собора, но, видимо, не причинил каких-либо серьезных повреждений самому зданию². Около 1646 г., как сообщает добавление к описанию в писцовой книге 1627 г., на юго-западном углу паперти его появился дополнительный придельный пятишатровый храм с тремя престолами Рождества Богородицы, Поклонения Вериг Апостола Петра и Федора Сикеота, ктиторами которого были Федор Петрович Строганов и его мать Матрена Ивановна, в иночестве Марфа³.

О перестройках Благовещенского собора в XVIII в. мы никакими документальными данными не располагаем. Однако к этой эпохе с большой долей вероятности можно отнести изменение прежнего позакомарного покрытия на четырехскатное и новые главы собора. Именно в таком виде он запечатлен на рисунке «Перспективного плана Сольвычегодска», созданного в 1793 г. местным художником А. Чудиновым для первого описания города А. Соскина⁴.

Наиболее тяжелым периодом в существовании собора оказался XIX в. Здание очень сильно пострадало во время большого пожара города в 1819 г., когда огонь серьезно повредил приделы и колокольню, а также покрытия глав, хотя, к счастью, не смог проникнуть внутрь, в интерьер самого храма⁵. Все эти разрушения, причиненные пожаром, очень точно изображены на рисунке собора П. Котова начала 1820-х гг.⁶, в связи с чем он представляет особый интерес для

нашего исследования. Вскоре после этого, в течение 1820-х гг., были проведены работы по восстановлению собора. Однако из-за отсутствия необходимых средств приделы так и не были возобновлены в своем прежнем виде. Вместо них с южной стороны соорудили теплую церковь Сретения с галереей, освященную в ноябре 1824 г., а с северной — различную палатку. Прежнюю колокольню, стоявшую на северо-западном углу, разобрали и вместо нее возвели в 1825—1826 гг. с западной стороны, при входе новую, более высокую, выполненную в стиле позднего классицизма. Наконец, в 1876 г. «усердием» иркутского купца И. С. Хаминова ризницу заменили теплым приделом Рождества Иоанна Предтечи на северо-восточном углу⁷.

Вышеперечисленными сведениями ограничиваются известные нам данные об изменениях в архитектуре собора, которых в действительности, конечно, было гораздо больше. Однако, прежде чем перейти к попытке выяснения прежнего облика здания, обратимся к некоторым фактам из истории его строительства, которые играют важную роль для определения характера его архитектуры.

Итак, сперва о датировке строительства собора и его ктиторах. На первый взгляд в этом вопросе нет никаких неясностей. Ведь хорошо известно, что и дата сооружения здания, и имена всех его заказчиков зафиксированы в настенной храмозданной летописи, украшающей в интерьере нижние части его стен. Тем более, что текст летописи неоднократно приводился в самых различных работах, начиная с 1886 г.⁸. Но в действительности дело обстоит совсем не так просто. Впервые подлинная настенная летопись была издана совсем недавно, только в 1983 г. художниками-реставраторами Л. Г. Донской и Г. Г. Донским, которые вели работы по консервации и частичной расчистке росписей собора⁹. Все же предшествующие публикации заменяли трудночитаемый текст ее, выполненный вычурной вязью, более поздней и простой в чтении храмозданной надписью на оборотной стороне стоящего в соборе шкафа-киота, которая была сделана в 1825 г. священником А. Беляевым¹⁰. И хотя оба текста в отношении датировки собора и его ктиторов по сути дела не расходятся между собой (их серьезные отличия касаются собственно росписи, времени ее создания и имен выполнивших ее мастеров, а также орфографии самого текста)¹¹, все же подобная ситуация заслуживает быть отмеченной в связи с последующим изложением.

Согласно настенной летописи, начало сооружения собора относится к 1560 г., а его освящение произошло 9 июня 1584 г.; заказчиками выступали Строгановы — Аника Федорович, его сыновья Яков, Григорий и Семен, а также их дети Максим Яковлевич, Никита Григорьевич, Андрей и Петр Семеновичи¹². Приведенное летописью время строительства, охватывающее почти четверть века, вызывает некоторое сомнение своей продолжительностью. Подобные соборные храмы, согласно строительной практике середины XVI в., возводились обычно в течение 5—10 лет. Так, например, собор Покрова на Рву (Василий Блаженный) в Москве был построен в 1555—1560 гг., Успенский собор в Великом Устюге — в 1554—1558 гг., Благовещенский собор в Казани — в

1556—1558 гг., Рождественский собор в Каргополе — в 1552—1562 гг., Преображенский собор в Соловецком монастыре — в 1558—1566 гг. Поэтому можно предполагать, что существовали какие-то серьезные причины, которые сильно задержали процесс его возведения и освящения.

Что касается начала строительства здания, то оно подтверждается надписью, которая существовала на обороте находившейся в соборе пядничной иконы Благовещения XVI в.: «Лета 7066... сей образ Благовещения Пресвятая Богородица благословение Никандра, архиепископа Ростовского Иоаннику Федорову сыну Строганову на поставление соборного храму каменного и съ приделы — начальный образъ у Соли Вычегодские на посаде...»¹³. Согласно этой надписи, А. Ф. Строганов уже в 1558 г. задумал сооружение в Сольвычегодске каменного собора, получив на это не просто разрешение от епархиального владыки, но и его своеобразное благословение в виде иконного образа. Одновременно текст надписи прямо говорит, что единственным инициатором строительства собора, его главным вдохновителем и основным ктитором выступил глава семейства Аника Федорович.

Само же сооружение собора, очевидно, шло совсем не так гладко и ровно. Об этом косвенно можно судить по тем событиям, которые происходили в самой семье Аники Строганова в 60—70-х гг. XVI в. В последние годы своей жизни — в конце 1560-х гг. — он отошел ото всех мирских дел и принял постриг, став монахом основанного им в Пермской вотчине Пыскорского монастыря. В сентябре 1570 г. Аника умер, после чего его имущество и состояние были разделены между тремя сыновьями. Однако раздел быстро приобрел особый драматизм из-за резких противоречий между наследниками и превратился в тяжбу, которая длилась более трех лет. Затем в 1577—1578 гг. умирают один за другим старшие сыновья Яков и Григорий, и снова следует раздел имущества между оставшимися в живых Семеном и его племянниками¹⁴.

Все это не могло не сказаться на ходе работ по сооружению и отделке собора, о чем свидетельствует хотя бы перечень вышеупомянутых членов семейства Строгановых в храмозданной летописи. Да и внешние обстоятельства жизни самого города не могли не играть определенной роли, явно затягивая само строительство. Так, очень неблагоприятным для Сольвычегодска в целом был 1571 г., когда в городе разразилась сильная эпидемия — «мор велик»¹⁵. А в 1576 г. его опустошил большой пожар, названный даже «Строгановским»: он начался от хором Строгановых и испепелил десять деревянных церквей и около пятисот домов¹⁶. Однако во время пожара само здание собора, вопреки мнению ряда исследователей¹⁷, не пострадало. Об этом прямо говорит составленная после пожара опись храма 1579 г., содержащая подробный перечень огромного числа икон, предметов церковной утвари и богослужебных книг без каких-либо указаний на повреждения их огнем¹⁸. Более того, опись свидетельствует, что собор практически был готов к освящению, которое тем не менее задержалось еще на 5 лет и состоялось только в 1584 г.

Есть некоторые данные, которые дают возможность считать собор в основном законченным строительством в начале 1570-х гг. Об этом говорит надпись на покрове, пожертвованном в этот храм в 1572 г. архимандритом московского Чудова монастыря: «Сей покровъ велика-го святителя Алексия митрополита московскаго и всея Руси чудотворца, данъ бысть въ лето 7080 по велению и по благословению великаго Господина преосвященнаго Деонисия, митрополита Московскаго и всея Руси, чудовския обители Алексия чудотворца архимандрита Христофора, къ соборной церкви каменной Благовещения Пресвятая Богороди-цы въ предель митрополита Алексия чудотворца, по молению и проше-нию Семена Строганова...»¹⁹. В подтверждение такой датировки сошлемся на А. Соскина, автора первого описания Сольвычегодска 1789 г., который прямо пишет, что собор с приделами был создан «радением и иждевением» самого А. Ф. Строганова (ум. в 1570 г.), а «совершенно украшен сынами и внучаты и прочею фамилиею его»²⁰. Таким образом, можно считать, что Благовещенский собор был построен в 1560 — нач. 1570-х гг., а его отделка и внутреннее убранство сильно затянулись, полностью законченные к его освящению в 1584 г.

Теперь обратимся непосредственно к анализу архитектуры Благовещенского собора в Сольвычегодске.

Здание принадлежит к крупным храмам соборного типа, созданным во второй половине XVI в. в ряде северных городов и монастырей (Вологда, Великий Устюг, Каргополь, Соловки и др.). Значительный по своим размерам собор, двустолпный и пятиглавый, с трехапсидным алтарем, сооружен из большемерного кирпича. Его мощный прямоугольный в плане объем с полукруглыми закомарами, несколько вытянутый по оси север—юг, поставлен на высокий подклет. С трех сторон (кроме восточной) он окружен двухъярусной папертью-галереей, с приделами на восточных концах и колокольней перед западным входом.

Прежде всего, наше внимание привлекает основная типологическая особенность здания — двустолпие, которое отличается здесь большим своеобразием. Два мощных квадратных в плане столба с небольшими «выемками» в углах, придающими им легкую крестообразность, поставлены в центре основного помещения храма, по оси север—юг. Они образуют три продольных, перекрытых сводами нефа — широкий, средний и более узкие боковые. От каждого из столбов перекинуты на восточную, западную и боковые, северную и южную стены подпружные арки, которые поддерживают коробовые своды нефов. В центре, между столбами средний свод прорезан квадратным отверстием более крупного центрального барабана восьмигранной формы, переход к которому осуществлен при помощи двух узких дополнительных арочек над столбами с севера и юга и угловых тромпов, а также размещенных над ними восьми наклонных, слегка сужающихся и изогнутых вверху лотков. Круглые отверстия меньших боковых барабанов расположены над угловыми частями боковых сводов, разделенных посередине подпружными арками; барабаны поставлены на поперечных коробовых «псковских» сводиках с наклонной шелыгой, поднимающейся к световому кольцу.

Для того, чтобы оценить оригинальность подобного решения необходимо вкратце остановиться на особой роли двустолпия в архитектуре древней Руси XVI в. Двустолпный тип храмов, появившийся лишь в самом начале этого столетия, при строительстве соборных храмов использовался сравнительно редко. Большинство соборов XVI в. принадлежало к традиционным крестовокупольным сооружениям с четырьмя или шестью столбами, получившим повсеместное распространение на Руси еще в домонгольскую эпоху.

Зарождение двустолпия связано с переосмыслением в XIV—XV вв. крестовокупольного храма и отказом в самом распространенном, четырехстолпном его варианте от восточной пары столбов в интерьере. Такое решение было во многом предопределено сложением на рубеже XIV—XV вв. высокого иконостаса, который полностью закрыл восточные столбы, зрительно выключив их из общего восприятия внутреннего пространства. Одновременно стремление к расширению основной подкупольной части храмов приводит в XIV — начале XV в. к более широкой расстановке столбов, причем их восточная пара оказывается значительно приближенной к соответствующей стене здания. Подобный процесс сближения этих столбов с алтарной стеной и межапсидными стенками хорошо заметен в храмах раннемосковского зодчества, связанного также с гармонизацией и стремлением к уравновешенности общего объема здания, с постановкой главы строго над центром всего объема, включая апсиды²¹.

Все эти процессы приводят в архитектуре Северо-Восточной Руси в конце XV в. к возникновению такой постройки как Успенский собор Кирилло-Белозерского монастыря (1496—1497), у которого восточные столбы оказались объединенными с межапсидными стенками²². Дело шло к тому, чтобы вообще отказаться от восточных столбов, передав их конструктивные функции алтарной стене. Это и произошло в самом начале XVI в. в церкви Благовещенского погоста (1501) возле с. Тимошкина, вотчине бояр Нагих, в которой впервые появляется двустолпная конструкция²³. В этом храме барабан главы опирается на три подпружные арки, слитые с примыкающими коробовыми сводами, и восточную стену с двумя ступенчатыми арочками. Переход от подкупольного квадрата к барабану осуществляется при помощи парусов. При этом сам подкупольный квадрат оказался сильно сдвинутым вместе с барабаном к востоку, а восточные столбы как бы слились полностью со стеной.

До середины XVI в. двустолпие не получило сколько-нибудь широкого развития. Поиски новых объемно-пространственных решений, под знаком которых развивалось зодчество Руси конца XV — первой трети XVI вв., в дальнейшем уступили свое место более традиционным и каноническим формам. К этому времени исследователи относят всего лишь два двустолпных храма — Успенский собор в Костроме и собор Никитского монастыря в Москве. У первого из них (дата строительства его точно неизвестна) двустолпие имело формы, аналогичные храму Благовещенского погоста²⁴. У второго, предположительно датированно-

го 30—40-ми гг., конструкция двустолпия не ясна, так как столбы и своды здания вместе с барабаном были разобраны во время одной из перестроек в XVII—XVIII вв. и заменены новым перекрытием²⁵.

Только во второй половине XVI в. наблюдается более интенсивное сооружение храмов рассматриваемого типа. В настоящее время нам известны следующие из них, названные в хронологическом порядке: Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря (1556—1566), Благовещенский собор в Сольвычегодске (1560 — нач 1570-х гг.), церковь Николая Чудотворца в Соловецком монастыре (1577—1584; не сохранилась), надвратные церкви Федора Стратилата в Спасо-Прилуцком монастыре в Вологде (1590; с 1815 г. — Вознесения) и Спаса Преображения в Кирилло-Белозерском монастыре (1595)²⁶. Кроме того, к этому же времени относятся не имеющие точной датировки Введенский собор Владычного монастыря в Серпухове²⁷ и собор Рождества Богородицы в Солотчинском монастыре под Рязанью (перестроен в XVII в.)²⁷.

Все вышеназванные памятники по своей конструкции сводов и перехода от них к барабану, а также по местоположению последнего могут быть разделены на две группы. Основная из них, включающая большинство построек, по сути дела продолжает линию развития церкви Благовещенского погоста с барабаном на подпружных арках и парусах, сильно сдвинутых с центра основного объема к востоку. Другая группа состоит из двух храмов — собора Сольвычегодска и надвратной церкви Прилуцкого монастыря, у которых барабан расположен в центре объема, между столбами, а переход к нему осуществлен при помощи тромпов.

Таким образом, перед нами предстают два совершенно различных решения интерьера двустолпного храма. В одном случае наблюдается более простой и в известной мере механистичный вариант, хорошо объяснимый с точки зрения эволюции: у традиционного четырехстолпного храма практически уничтожается восточный поперечный неф, а на месте соответствующих столбов ставится восточная стена здания, причем барабан поддерживают подпружные арки с парусами. В другом — барабан ставится в центре, между двумя столбами, с усложненной системой переходов к нему от сводов при помощи тромпов. Первый вариант, который мы условно можем назвать «ложным» двустолпием, более ранний и гораздо шире распространенный в XVI в., в то время как второй — истинное двустолпие — свидетельствует о более глубоком и подлинно художественном осмыслении этой новой конструкции.

С этой точки зрения Благовещенский собор Сольвычегодска является первым известным нам памятником принципиально новой конструкции двустолпия, появившейся в 60-х гг. XVI в. В дальнейшем в русской архитектуре XVII и даже XVIII в. оба варианта двустолпия получают исключительно широкое распространение. При этом каждый из них оказывается достаточно определенно связанным с тем или иным регионом. Так «ложное» двустолпие становится особенно характерным для Костромского края, в то время как «истинное» активно развивает-

ся на Севере, в Вологодских землях, а также во Владимирско-Сузdalском крае. Интересно, что в Подмосковье широко используются оба варианта двустолния.

С двустолнием связана и другая интересная особенность архитектуры собора в Сольвычегодске — форма его основного объема. По своей пространственной композиции здание представляет собой мощный четверик, вытянутый по поперечной оси север—юг. В плане оно образует прямоугольник с отношением сторон приблизительно как 2:3. Такое развитое в ширину построение необычно для храмовых сооружений Руси того времени. Основные объемные построения культовых древнерусских зданий предшествующих эпох имели, как правило, в плане форму, близкую к квадрату или прямоугольнику, вытянутому по оси восток—запад. Лишь в XVII в. появляется значительное число храмовых построек, основной объем которых сильно растянут в боковые стороны. Это большей частью бесстолпные церкви либо шатровые (Рождества в Путинках в Москве, Одигитрии в Ивановском монастыре в Вязьме и др.), либо трапезные теплые храмы. Пожалуй, наиболее характерным образом поперечно ориентированных церквей XVII в. является Верхоснавский собор в Московском Кремле с его выстроенным в ряд одиннадцатиглавым завершением.

Подобные композиционные решения в зодчестве XVI в. мы находим преимущественно у двустолпных церквей²⁹. Эту растянутость четверика в ширину можно считать свойственной храмам данного типа, тем более что она была обусловлена самой их внутренней структурой и конструкцией. Два поставленных по линии север—юг столба создавали поперечную ориентацию интерьера двустолпных зданий, в которых по сравнению с каноническим крестовокупольным решением и четырьмя столбами оказывался как бы утраченным восточный поперечный неф вместе с соответствующей парой столбов, «утопленных» в алтарную стену.

Именно так на фасадах наиболее значительных двустолпных храмов XVI в. — соборов Соловецкого монастыря и Сольвычегодска — «читается» построение их внутреннего пространства. Восточный и западный фасады расчленены традиционно двумя лопатками на три прясла, в то время как боковые, северный и южный — только на два, причем лопатки поставлены соответственно столbam. У Сольвычегодского собора, кроме того, прясла завершены крупными полуциркульными закомарами, которые на восточном и западном фасадах играют конструктивную роль, соответствуя трем продольно вытянутым коробовым сводам, а на боковых являются чисто декоративными.

Правда, у Введенского собора Владычного монастыря и надвратной церкви Преображения Кирилло-Белозерского монастыря все фасады одинаково расчленены лопатками на три прясла, завершенные закомарами. Иначе говоря, их фасадная структура не совпадает с построением интерьера, замененная в целях общей гармонизации внешних архитектурных форм традиционным трехчастным членением. Объяснение такого решения связано с тем, что вышеуказанные храмы относят-

ся к более позднему этапу развития русского зодчества — к концу XVI в., когда в целом можно наблюдать более резкий разрыв между внешним обликом храмов и их интерьером, с одной стороны, и большую унификацию фасадных форм храмов вне зависимости от их типологии, — с другой³⁰. В этом отношении более ранние соборы Соловецкого монастыря и Сольвычегодска, относящиеся к середине XVI в., выступают как своего рода классические прототипы: они сохраняют прежние традиции культового зодчества Руси, отличающегося соответствием внутренней структуры и конструкции с ее тектоникой на фасадах. В Благовещенском соборе Сольвычегодска тектонику крупных лопаток зрительно подчеркивает их сильный вынос наружу, особенно на боковых фасадах. Благодаря этому могучие лопатки превращаются здесь в подлинные контрфорсы, которые реально призваны противостоять внутреннему распору сводов.

Теперь перейдем к рассмотрению пятиглавия Сольвычегодского собора. Подобный тип завершения характерен для всех соборных храмов указанной эпохи. Он ведет свое происхождение от общерусского кафедрала — Успенского собора Московского Кремля (1475—1479), ставшего своего рода образцом для всех крупных городских и монастырских зданий соборного типа Московской Руси XVI в. Именно такими главами с большей центральной были увенчаны все соборы Русского Севера середины — третьей четверти столетия: Успенский в Великом Устюге и Софийский в Вологде, Рождества Христова в Каргополе и Спаса Преображения в Соловках.

Однако пятиглавие собора в Сольвычегодске обладает рядом особенностей, которые делают его исключительно своеобразным. Прежде всего оно расположено так, что оказывается несколько растянутым по оси север—юг. Это связано, само собой разумеется, с соответствующей вытянутостью в ширину основного объема храма. И хотя главы поставлены не на самых углах его четверика, а явно сдвинуты к центру, все-таки они оказываются более разряженными. Да и по своим размерам главы выглядят слишком маленькими для такого мощного и крупного здания.

Более оригинальна сама граненая форма барабанов глав. Все они восьмигранные, с четырьмя оконными проемами у боковых барабанов и восемью — у центрального. Как мы уже указывали ранее, нынешние главы не являются первоначальными. Их архитектурные формы не могут быть отнесены к XVI в. Барабаны со сравнительно крупными проемами (арочными — у центрального), филенками на гранях (боковые) и карнизами с сухариками явно свидетельствуют об их возникновении в XVIII в. На панораме 1793 г. и рисунке начала 1820-х гг. главы здания изображены уже такими, как они существуют в настоящее время. Их переделали где-то ранее конца XVIII столетия, вполне возможно одновременно с изменениями позакомарного покрытия на четырехскатное.

Встает вопрос, какова же была первоначальная форма барабанов глав Благовещенского собора? Ответить на него довольно трудно без

тщательного натурного исследования завершающей части памятника, возможности которого в настоящее время мы лишены. К сожалению, никаких данных на этот счет нет ни в описи 1579 г., ни в описаниях XVII в. Правда, в первой из них зафиксировано общее количество окон во всех барабанах глав собора: «Да въ шеяхъ двадцать окончинъ слудяныхъ, немецкимъ железомъ обиты»³¹. Судя по всему, прежние окна располагались по четыре в каждом барабане.

Однако была ли при переделке в XVIII в. воспроизведена также и их прежняя форма, сказать трудно. Граненые, вернее восьмигранные барабаны глав в традиционных шестистолпных и четырехстолпных храмах Руси XVI в. вообще не встречаются. Такие барабаны мы находим только в ряде шатровых храмов середины столетия в Москве и Подмосковье, как, например, завершения приделов церкви Иоанна Предтечи в Дьякове (1547) и собора Покрова на Рву в Москве (1555—1560). Небольшой восьмерик с главкой венчает также шатры церквей Вознесения в Коломенском (1530—1532), Троицы в Александровской слободе (1570-е гг.), Петра Митрополита в Переяславле Залесском (1588) и др.

Правда, первоначальной граненой форме боковых барабанов глав у Сольвычегодского собора противоречат их круглые световые отверстия, сохранившиеся в сводах над угловыми компартиментами. Всего вероятнее, что эти барабаны прежде были цилиндрическими, ибо нам неизвестны такие различия внешних и внутренних форм в архитектуре указанного времени. Однако восьмигранное световое отверстие центрального барабана прямо указывает на его изначально граненую форму. Что же касается столь необычного и своеобразного сочетания в пятиглавии восьмигранного среднего барабана и цилиндрических боковых, то оно имеет место в построенном почти одновременно Спасо-Преображенском соборе Соловецкого монастыря. Подобное решение пятиглавия явно послужило образцом и для ряда позднейших построек Севера, например, для Спасо-Преображенского собора одноименного женского монастыря в Великом Устюге 1689—1696 гг.

Свообразный характер имеет и трехапсидная алтарная часть собора в Сольвычегодске, которая отличается своими крупными размерами. Сильно выдвинутая к востоку она заканчивается тремя мощными, на подклетах полукружиями с выступающим средним, которые несмотря на сравнительно небольшую высоту (чуть выше половины высоты основного объема) производят исключительно монументальное впечатление. Трехапсидность алтарей полностью преобладает в храмах XVI в. вне зависимости от их типа и особенностей архитектуры. Особое развитие алтарной части, сильно выдвинутой извне по отношению к основному объему, встречается преимущественно в бесстолпных и двустолпных храмах XVI в.³² И это вполне понятно, так как в четырех и шестистолпных церквях алтарь всегда занимал кроме собственно апсид и восточный поперечный неф до пары столбов с примыкавшим к ним иконостасом. При отсутствии этих столбов алтарная часть оказывается за восточной стеной храма, вне его основного объема, в связи с

чем для ее увеличения просто удлиняется помещение апсид. У такого крупного собора как сольвычегодский с его подчеркнуто развитым в ширину основным объемом апсиды были также значительно увеличены. Тем более, что в южной из них размещался главный придел Иоанна Богослова, а в северной двухъярусной — жертвенник и ризница.

Что же касается подклета собора в Сольвычегодске, то он характерен для многих культовых построек XVI в. Появившиеся в храмовом зодчестве Москвы и Северо-Восточной Руси в середине XV в.³³, подклеты в начале следующего столетия стали одной из основных частей большинства церковных зданий самых различных регионов. Эта важная в объемной композиции часть встречается и в соборных храмах Севера рассматриваемого времени — в Каргополе и Соловках. Подчеркнуто мощный подклет собора в Сольвычегодске был целиком обусловлен непосредственной функцией — служить хранилищем ценностей и товаров его заказчиков, купеческой семьи Строгановых. Он неоднократно успешно выполнял эту задачу на протяжении веков, в том числе во время Смуты в начале XVII в., сохранив от грабителей самые ценные сокровища церковной утвари³⁴. Необычность подклета также состояла в том, что он включал значительное число небольших помещений — кладовых палаток³⁵ и по своей конфигурации не повторял в планировочном отношении основной этаж самого собора, совпадая с ним лишь во внешнем контуре.

С высоким подклетом связаны также галереи-паперти сольвычегодского собора, которые охватывали его основной объем с трех сторон — севера, запада и юга. Галереи были двухъярусные и сводчатые, внизу — глухие, а вверху — с широкими арочными проемами. Эти первоначально открытые проемы, мало пригодные в условиях Севера, вскоре после окончания строительства, видимо, в конце XVI в. заложили, устроив вместо них арочные парные окна. В дальнейшем галереи-паперти неоднократно перестраивали, и в настоящее время они сохранились лишь частично с северной стороны. Об их прежней архитектуре хорошее представление дает рисунок собора начала 1820-х гг. На нем ясно виден почти глухой нижний ярус, прорезанный лишь узкими щелевидными проемами, один из которых существует и ныне на северном фасаде. Верхний ярус составляли пологие и широкие арки, опирающиеся на мощные граненые устои с импостами. Нижняя часть арок была забрана парапетом с ширинками (они также сохранились на том же фасаде), а в стенке над ними в каждой из арок размещено по два арочных проема.

Для входа в храм и на верхний ярус галерей первоначально с каждой из сторон существовали крыльца с лестницами. Два таких крыльца «с рундуками» с севера и запада сохранились еще в конце XVIII в., о чем сообщает А. Соскин³⁶. Южное крыльцо, хотя и изображенное крайне схематично, мы видим на панораме А. Чудинова 1793 г. Однако рисунок начала 1820-х гг. показывает, что после пожара 1819 г. северное крыльцо было утрачено. В результате серьезных перестроек 1820-х гг. все крыльца полностью исчезли и о них больше нигде не упоминается.

Обходные паперти-галереи ведут свое происхождение от памятников московской архитектуры рубежа XV—XVI вв. и во многом связанны с работой в столице приезжих итальянских зодчих. Одними из первых таких храмов, получивших двухъярусные паперти, были Благовещенский собор в Московском Кремле и собор Новоспасского монастыря (1496—1497). Хорошо известна также открытая одноярусная галерея, созданная, видимо, Алевизом Новым в Архангельском соборе Московского Кремля (1505—1508). В начале XVI в. двухъярусные галереи появляются также в архитектуре храмов других городов Русского государства (Спасо-Преображенский собор в одноименном монастыре в Ярославле 1516 г., собор Покровского монастыря в Суздале 1510—1516 гг., Спасский собор Прилуцкого монастыря в Вологде 1537—1542 гг. и др.) и становятся одной из характерных особенностей самых различных храмов на подклетах. Такие галереи-паперти мы находим и в северных храмах середины XVI в., например, в соборе Соловецкого монастыря.

Особое внимание обращает на себя существование у сольвычегодского собора с самого начала большого числа придельных храмов. Опись 1579 г. фиксирует наличие у здания восьми приделов: Иоанна Богослова, Николая Чудотворца, Алексея Митрополита, Симеона Столпника, Козьмы и Демьяна «в миру преставившихся», Трех Святителей Вселенских, Козьмы и Демьяна «в Риме пострадавших» и Собора Пресвятой Богородицы³⁷. Однако местоположение этих приделов определить в ряде случаев довольно сложно за исключением двух, размещение которых прямо указано в тексте. Это придел Иоанна Богослова, находившийся в южной апсиде, и придел Собора Пресвятой Богородицы, расположенный на северо-западном углу галереи в качестве церкви «под колоколы»³⁸.

Лишь, привлекая более поздние материалы XVII—XVIII и даже XIX вв., можно установить следующее размещение приделов собора: с северной стороны здания, в восточной части паперти-галереи находились храмы Николая Чудотворца, Алексея Митрополита и Симеона Столпника; с южной стороны, также в восточной части галереи—храмы Козьмы и Демьяна «в миру преставившихся» и Трех Святителей³⁹. Однако местоположение церкви Козьмы и Демьяна «в Риме пострадавших», которая согласно описи 1579 г. была, кроме того, деревянной⁴⁰, так и остается невыясненным.

В дальнейшем в течение XVII—XVIII вв., как отмечено ранее, число приделов менялось в сторону как увеличения, так и сокращения. Уже в описании собора в писцовой книге 1625 г. не упоминается деревянный придел Козьмы и Демьяна, который, видимо, сгорел во время польско-литовского нашествия или был упразднен по ветхости. Тем более, что о придельной церкви Трех Святителей в этой же книге прямо сказано, что она «стоит без пения от Литовского приходу, не священа»⁴¹. Около 1646 г. на юго-западном углу паперти собора появляется еще одна придельная церковь «о пяти верхах» с тремя престолами: Рождества Богородицы, Поклонения Вериг Апостола Петра и Федора Сикеота, о чем сообщает позднейшая приписка к писцовой книге

1625 г.⁴². К концу XVIII в. один из северных приделов — Симеона Столпника оказался упраздненным: он не упоминается в описании собора А. Соскина⁴³, хотя когда точно это произошло — сказать нельзя.

Наконец, в течение XIX в. большинство прежних приделов было уничтожено. После пожара 1819 г. вместо них с южной стороны сооружена теплая церковь Сретения, освященная в ноябре 1824 г., а с северной — ризничная палатка. В 1825—1826 гг. с западной стороны на месте крыльца построена новая высокая колокольня, а старая с приделом Собора Богородицы разобрана до высоты паперти. В 1876 г. ризница уступила свое место теплому приделу Иоанна Предтечи⁴⁴.

Несмотря на столь серьезные перестройки некоторые из приделов частично сохранили свои архитектурные формы. Это, в первую очередь, относится к северо-восточной части здания, где из паперти выступает прямоугольный объем с подклетом, имеющий с восточной стороны две закругленные апсиды. Более низкий, чем главный алтарь, к которому он примыкает с севера, этот придельный четверик имеет с ним общий междуэтажный пояс в виде уступа с валиком, который прежде охватывал все здание на уровне верха подклета. Широкая двухъярусная лопатка отделяет апсиды приделов от главного алтаря, у которого имеются такие же межапсидные членения.

Как известно, здесь первоначально размещались три придела — Николая Чудотворца, Алексея Митрополита и Симеона Столпника. Наличие двух апсид свидетельствует о том, что здесь располагались два из них. Рисунок собора начала 1820-х гг. указывает на существование у этого объема какого-то полуразрушенного верхнего яруса, по-видимому, сильно пострадавшего в пожаре 1819 г. Можно предположить, что здесь как раз и находился третий придел. Если это так, то тогда подтверждается первоначальное существование здесь всех трех вышеуказанных приделов. Более того, есть некоторые основания считать, что в верхнем ярусе находился именно придел Симеона Столпника, исчезнувший раньше всех и уже в конце XVIII в. не упоминавшийся.

Совсем иначе обстоит дело с южными приделами, которые почти полностью исчезли, видимо, при сооружении в 1824 г. церкви Сретения. Ее архитектура выдержана в стиле позднего классицизма, суховатые формы которого характерны для провинции первой трети XIX в. Это — одноярусный храм на подклете, с двумя закругленными апсидами алтаря, основной частью в три оси окон, украшенной пилястровым портиком с фронтом, и с примыкающей к ней новой галереей, которая охватывает также юго-западный угол собора. Церковь не имеет ничего общего с первоначальным зданием. Да и подклет у нее гораздо ниже, чем у собора и не совпадает с последним по своим членениям⁴⁵.

Гораздо лучше сохранился придел Собора Богоматери, расположенный под древней колокольней на северо-западном углу. Правда, он полностью потерял свое завершение — высокий ярус звона с главой. В настоящее время придел имеет форму прямоугольного двухъярусного объема, выравненный по высоте с прилегающей к нему папертью. Нижний ярус его обработан большой арочной нишей с четвертым валиком по внутреннему краю. Верхний украшен поясом ширинок внизу,

продолжающих паралет панерти, и лопатками, которые делят его северный фасад на три узких прясла, с двумя арочными окнами в угловых западных пряслах с севера и юга.

Неоднократно упоминавшийся рисунок начала 1820-х гг. дает нам уникальную возможность представить достаточно полно архитектуру этой оригинальной придельной церкви-колокольни, явно одновременной зданию собора. Нижний ее ярус в то время был закрыт мощным контрфорсом. Достоверность рисунка подтверждает изображение второго яруса с тремя завершенными арками пряслами и угловым окном, которые, полностью отвечают сохранившейся части собора. Третий ярус, служивший звоном, имел по две открытых арки с каждой из сторон, опиравшихся на столбы, в пролетах которых висели колокола. Выше располагался ярус с часами, имевшими большой круглый циферблат с северной стороны и кокошники с остальных (виден только восточный). В завершении на граненом основании и постаменте с кокошниками возвышался глухой цилиндрический барабан, который прежде венчала глава. Любопытно, что с востока к колокольне примыкала большая арка, опиравшаяся другой стороной на контрфорс у северо-западной угловой лопатки; в пролете арки висел большой колокол.

Такие столпообразные церкви «иже под колоколы», большей частью размещавшиеся у северо-западного угла зданий, известны по целому ряду соборных храмов конца XV—XVI вв. в монастырях Ферапонтове (1490), Спасо-Прилуцком (1537—1542) и ростовском Авраамиеве (1554—1556). Характерно, что все эти постройки относятся к Ростовской епархии и были осуществлены ростовскими зодчими. Обращает на себя внимание тот факт, что ярус звона сольвычегодского храма-колокольни очень близок аналогичному ярусу церкви Благовещения в Ферапонтове (1530—1534) и Архангела Гавриила в Кирилло-Белозерском (1531—1535) монастырях, а ее завершение напоминает венчающую часть Успенской трапезной церкви-колокольни в Спасо-Каменном монастыре⁴⁶.

Однако были ли все приделы первоначально увенчаны главами? Подробная опись собора 1579 г. ничего не сообщает об этом. Писцовая книга Сольвычегодска 1625 г. при описании собора указывает, что здание имело восемь глав: «У Соли на посаде, в старом большом остроге, за речкою за Усолкою, на реке на Вычегде, церковь соборная Благовещение Пречистыя Богородицы, каменная с папертью и с приделы о осми верхах... А по сторонам тое церкви пять приделов Никола Чудотворец, Алексей Митрополит, Симеон Столпник, Косма и Дамиан, Трех Святителей — Василей Великий, Григорий Богослов, Иван Златоуст. Да у той же церкви на паперти церковь каменная Собор Пречистые Богородицы, а на ней сделана колокольница...»⁴⁷. Очевидно, пять глав завершали основной объем собора, а три остальных венчали приделы. Можно предполагать, что две из них, вероятно, находились над боковыми придельными объемами у восточных углов здания, лишь внутри разделенными на отдельные храмовые помещения. Гораздо сложнее обстоит дело в отношении третьей главы, которая скорее всего стояла над приделом Иоанна Богослова, т. е. над южной

апсидой. Такое подчеркивание малой главой в наружном облике внутренних приделов было достаточно широко распространено в московской архитектуре XIV—XV вв., а также в зодчестве отдельных регионов Северо-Восточной Руси в XVI в., в том числе на Севере (Кирилло-Белозерский монастырь и др.)⁴⁸.

Однако еще одна глава должна была обязательно существовать у придельного храма-колокольни Собора Богородицы на северо-западном углу паперти, что явно противоречит вышенназванному числу глав. В действительности никакого противоречия не возникает, если более внимательно прочесть текст писцовой книги. В нем сначала говорится о соборной церкви Благовещения, у которой перечисляются пять приделов по сторонам. Что же касается придела Собора Богородицы, то он описан отдельно как самостоятельный храм. Именно поэтому его глава и не вошла в общее описание завершения собора.

В известной мере подтверждением нашей точки зрения в отношении завершения приделов может служить описание собора в труде А. Соскина 1789 г. и панorama Сольвычегодска А. Чудинова 1793 г. Согласно описанию здание имело в то время девять приделов и пятнадцать глав⁴⁹, которые распределялись между ними, судя по рисунку, следующим образом. Пять более крупных глав венчали основной объем собора, пять шатровых — трехпридельную церковь 1646 г. на юго-западном углу, одна — церковь-колокольню на северо-западном и еще одна — южную апсиду с приделом Иоанна Богослова. Одну главу имел также общий южный объем двух приделов, в то время как северный с двумя теплыми приделами был завершен двумя главами.

Сам факт многопридельности Благовещенского собора в Сольвычегодске очень важен и заслуживает особого рассмотрения. Для архитектуры Руси середины XVI в. его можно считать действительно характерным. Именно в это время появляются крупные соборные храмы со значительным числом приделов. Среди них назовем в первую очередь такие памятники, как: церковь Иоанна Предтечи в Дьякове (1547) и собор Покрова на Рву (Василий Блаженный) в Москве (1555—1560), собор Бориса и Глеба в Старице (1558—1560-е гг.) и Благовещенский собор в Московском Кремле (достройка 1564 г.), соборы Авраамиева монастыря в Ростове (1554—1556) и Спасо-Преображенского монастыря в Соловках (1558—1566).

Все вышеперечисленные здания обладают сложной объемно-пространственной композицией. Она складывается на основе того, что главный, более крупный объем с основным престолом, был окружен меньшими по размерам придельными храмиками, соединенными между собой обходной галереей-папертью. При этом в храмах Дьякова и Старицы, а также в соборе Покрова на Рву все объемы, начиная с центрального и кончая приделами, приобрели столпообразно-шатровые формы, в то время как в соборах Авраамиева и Соловецкого монастырей они были трактованы преимущественно традиционно, в виде обычных прямоугольных в плане объемов с закомарами и кокошниками, завершенными пятью (основной объем) или одной (приделы) главами.

Подобные различия легко объяснимы с точки зрения развития архитектуры эпохи. В то время как в московском зодчестве новые, шатровые и столпообразные формы зданий получают широкое распространение, в регионах с прочными собственными традициями, таких как Ростов или Новгород, предпочитают следовать прежним приемам. Показательно, что в их сооружениях шатры используются либо ограниченно — для завершения одного из приделов (Авраамиев монастырь), либо в полускрытом и «усеченному» виде для венчания основного объема, причем в сочетании с главой (Соловецкий монастырь)⁵⁰.

К этим последним памятникам по праву можно отнести и собор в Сольвычегодске с его многочисленными приделами. Ведь его придел Собора Богородицы, правда, сооруженный несколько позже (около 1646 г.), имел оригинальное завершение в виде пяти шатров с главами. Но для нас гораздо больший интерес представляет основание центральной главы самого собора, имеющее изнутри близкую к шатровой форму. Мы имеем в виду исключительно своеобразный восьмигранный конический переход от столбов и сводов к главному барабану, напоминающий в интерьере усеченный граненый шатер.

Подобное решение не встречается ни в одном из известных нам храмов XVI в. за исключением собора Соловецкого монастыря, который, в свою очередь, обнаруживает удивительную близость к указанной выше конструкции. Более того, последняя почти буквально повторена в нем вплоть до тонких дополнительных боковых арочек-уступов (правда, устроенных уже с четырех сторон) и угловых тромпов (ставших здесь двухступенчатыми). Исходя из всего сказанного, есть основания предполагать и тождественность в известной мере их завершения и извне. Иначе говоря, можно думать, что первоначально центральный барабан главы собора в Сольвычегодске также имел форму своеобразного усеченного шатра, как это было у Соловецкого собора.

Правомерность подобной гипотезы вовсе не выглядит столь беспочвенной, как это кажется на первый взгляд. Подтверждением ее могут служить некоторые изобразительные материалы. Мы имеем в виду, прежде всего, одну из икон сольвычегодского собора, происходящую из местного ряда его иконостаса и ныне хранящуюся в ГТГ, — «Иже херувимы»⁵¹. Она датируется 60—70-ми гг. XVI в., упомянута в описи собора 1579 г. и является вкладом в храм Никиты Строганова⁵². Фоном изображенного на иконе литургического песнопения является огромный пятиглавый храм, который, по мнению некоторых исследователей, представляет именно Благовещенский собор Сольвычегодска. Характерно при этом, что центральная глава собора изображена стоящей на коническом постаменте, напоминающем невысокий шатер. Среди икон, на которых мы находим изображения различных храмовых зданий в качестве фона, подобная деталь выглядит уникальной. Между прочим, близкую форму имеет также изображение шатрового завершения центральной главы у Соловецкого собора на некоторых иконах «Зосимы и Савватия Соловецких», где представлен Соловецкий монастырь⁵³.

В связи с этим необходимо еще раз подчеркнуть, что значительное сходство соборов Сольвычегодска и Соловков распространяется на их общее типологическое решение как крупных двустолпных и пятиглавых храмов соборного типа, поставленных на высокие подклеты, окруженных обходными галереями и имеющих тождественные членения фасадов лопатками-контрфорсами на прясла. Да и граненая форма самого центрального барабана при цилиндрических шеях боковых глав является редчайшей особенностью, отличающей их от остальных храмов второй половины XVI в.

Исходя из всего вышесказанного, можно вполне обоснованно заключить, что между этими храмами существовала определенная взаимосвязь, причем достаточно глубокая, вплоть до предположения о строительстве их одним и тем же зодчим. Тем более, что собор в Соловках был построен несколько ранее, чем собор в Сольвычегодске. Однако такая гипотеза была бы слишком поспешной. Общая трактовка архитектуры первого из зданий, зодчими которого, как известно, были новгородские мастера Салка и Столыпа, все-таки в деталях достаточно далека от собора в Сольвычегодске, отличаясь подчеркнутой строгостью и суровостью, особой лаконичностью и сккупостью форм.

В этом отношении сольвычегодский собор выглядит действительно нарядным и праздничным благодаря гораздо большей насыщенности своего фасадного убранства, его богатству и разнообразию. Стены основного объема, разделенные на прясла традиционными лопатками, завершены крупными полуциркульными закомарами с легкими двухступчатыми архивольтами. Под закомарами проходит широкий нарядный пояс, охватывающий весь объем по верху стен, включая лопатки, который вносит особую живописность в завершение здания. Он состоит из двух рядов бегунца, разделенных поребриком; под ними еще два более узких ряда поребрика из положенных плашмя кирпичей в шахматном порядке, а ряд прямоугольных нишек с полувалом вверху выступает в качестве его венчания. Этот фризовый пояс создает богатый светотеневой узор на плоскости стен, играя роль своего рода ожерелья завершающей части здания.

Большие арочные окна главного объема собора, расположенные в нишах с откосами в центре прясел на боковых и западном фасадах, заключены в нарядные наличники своеобразной формы. Их легкие обрамления по краю ниш состоят из двух уступов с тонким полуvalиком между ними, перехваченным в трех местах дыньками, а в архивольте— с «шариками» и высоким остроугольным килем вверху. Гораздо проще выглядят сохранившиеся наличники арочных окон алтаря, заключенные в простую рамку из полуvalика с перехватами и легким подышением вверху. Такие же обрамления были первоначально у окон паперти, судя по рисунку П. Котова начала 1820-х гг., иныне сохранившейся на северном фасаде лишь крупные квадратные ширины парапета.

Парадно оформлен и главный вход в собор в центре западного фасада, выходящий на паперть прямо против расположенного под колокольней крыльца. Он выполнен в виде традиционного перспективного портала с тремя сравнительно короткими полуколонками, перебитыми дыньками и с уступами между ними. Колонки и уступы имеют крупные базы с постаментами и простые карнизы в завершении; на них опираются полуциркульные архиволты соответствующего профиля. Гораздо проще и скромнее боковые порталы (южный ныне заложен), расположенные в восточных пряслах северного и южного фасадов: первый из них — на одной оси с соответствующим оконным проемом, а второй — со сдвигом к западу от нее. Любопытно, что аналогичный фасадный наличник получила и арочная ниша внутри алтаря, над горним местом в центральной апсиде. Она обрамлена полуколонками с дыньками и архивольтом с шариками, завершенным килем.

Подобный тип развитого фасадного декора не имеет общих черт со сдержаным наружным убранством собора Соловецкого монастыря, а также других храмов новгородского зодчества второй половины XVI в. Зато он находит много точек соприкосновения с постройками Кирилло-Белозерского монастыря указанного времени. Пояса аналогичного кирпичного декора, в XV в., в равной мере свойственные сооружениям как Новгорода, так и средней Руси, в первую очередь московско-ростовским (соборы Спасо-Каменного, Ферапонтова и Кирилло-Белозерского монастырей, палата в Угличе и др.), в XVI в., особенно в середине — второй половине столетия, остаются в основном лишь в практике ростовских зодчих, особенно кирилловских мастеров. В этом отношении наиболее характерен собор белозерского Горицкого монастыря 1544 г., на фасадах которого полоса кирпичного декора под замками захватывает кроме самих прясел также и лопатки⁵⁴.

Однако по сравнению с храмовыми постройками Кирилло-Белозерского монастыря второй половины XVI в. (церкви трапезная Сергия Радонежского и надвратные Иоанна Лествичника и Спаса Преображения) декор сольвычегодского собора отличается большей тонкостью, графичностью и даже изяществом прорисовки основных форм. Он в целом лишен того налета некоторой провинциальности, огрубленности и упрощенности, которая заметна в мотивах указанных кирилловских зданий,озведенных местными мастерами. Очевидно, здесь трудилась какая-то другая артель ростовских мастеров, профессионально связанная со столицей.

Теперь можно подвести некоторые итоги нашего рассмотрения архитектуры сольвычегодского Благовещенского собора. Здание принадлежит одной из интереснейших групп культовых построек Руси середины XVI в. — многопридельным храмам. При традиционности таких черт как пятиглавие и трехапсидность, а также высокий подклет с галереей оно представляет собой двустолпное сооружение, т. е. относится к сравнительно редкому для того времени типу соборов. Более того, этот храм открывает принципиально новое решение проблемы двустолпия, которая предстает перед нами как художественно глубоко осмысленная конструкция.

В этом отношении обращает на себя внимание тот факт, что почти одновременно на Севере был создан еще один многопридельный двустолпный храм — Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря, сопоставление с которым дает возможность глубже осмыслить архитектуру Благовещенского собора. Большое сходство этих храмов не ограничивается общей типологией, а распространяется и на многие детали, особенно на шатровую форму основания центральной главы. Появление подобной формы явно связано с влиянием столичных многопридельных шатровых храмов, которые получили в этих сооружениях новгородских и ростовских зодчих столь своеобразное преломление. При этом не обошлось и без влияния одного здания на другое — построенного ранее соловецкого собора на сольвычегодский. Но если в отношении использования шатра новгородцы оказались более решительными, то в отношении двустолпия ростовцы пошли гораздо дальше, избрав новый принцип осмысления этой конструкции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **П. Балов.** Сольвычегодский Благовещенский собор. — Вологодские губернские ведомости, 1841, № 47, ч. неофиц.; А. Соскин. История города Соли Вычегодской древних и нынешних времен. Вологда, 1882, с. 82—89; П. И. Савваитов. Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них, Спб., 1886; Н. Е. Одрин. Древности сольвычегодского Благовещенского собора. — Труды VII Археологического съезда в Ярославле, 1887 г., М., 1892, т. 3, приложения, с. 41—49; И. К. Степановский. Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Вологда, 1890, с. 207—214; Н. И. Суворов. Сольвычегодский Благовещенский собор. — Вологодские епархиальные ведомости, 1891, прибавления, №№ 11—14, с. 147—157, 167—172, 191—197, 213—220; А. А. Ростиславов. Сольвычегодские соборы. — Старые годы, 1912, декабрь, с. 53—54; Б. И. Дунаев. Город Сольвычегодск. Историко-культурный очерк, М., 1914, с. 7—10; Описания памятников русской архитектуры по губерниям. У. Вологодская губерния. — Известия Археологической комиссии. Спб., 1916, вып. 61, с. 5—20; Н. Е. Макаренко. Искусство древней Руси. У Соли Вычегодской. Пг., 1918, с. 44—113; И. И. Томский. Синодики сольвычегодского Благовещенского собора. Сольвычегодск, 1919; И. И. Томский. Путеводитель по Северу России. Сольвычегодск, 1920, с. 144—154; В. А. Ешкилев. Сольвычегодск и памятники былой его культуры. Великий Устюг, 1926, с. 20—31; В. А. Богусевич. Новый архитектурный тип в русском зодчестве XVI и XVII столетий. — Сборник по делам аспирантов ГАИМК, Л., 1929, вып. I, с. 93—94; А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII века. М., 1936, с. 281, 283—284; С. Марков. Зачарованный город. (Сольвычегодск). — Советское краеведение, 1936, № 8, с. 57—73; История русского искусства. М., 1955, т. III, с. 466; И. А. Бартенев, Б. Н. Федоров. Архитектурные памятники Русского Севера. Л.—М., 1968, с. 176—179; С. С. Подъяпольский. По Сухоне и Северной Двине. М., 1969, с. 54—58; В. Н. Соломина. Бла-

говещенский собор в Сольвычегодске. Архангельск, 1973; Л. Н. Донская, Г. Г. Донской. Из истории строительства и создания настенных росписей Благовещенского собора г. Сольвычегодска. — Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. М., 1983, вып. 8 (38), с. 37—46; Г. Н. Бочаров, В. П. Выголов. Сольвычегодск, Великий Устюг, Тотьма. М., 1983, с. 24—68; Г. Г. Донской, Л. Н. Донская. О реставрации стенописи Благовещенского собора г. Сольвычегодска. — Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. М., 1984, вып. 9 (39), с. 42—50; Н. В. Удралова. Росписи Благовещенского собора в Сольвычегодске. — Древнерусское искусство. Художественные памятники Русского Севера. М., 1989; с. 193—202.

2. **П. И. Савваитов.** Указ. соч., с. 107—109; Н. И. Суворов. Указ. соч., с. 155.

3. **Н. И. Суворов.** Указ. соч., с. 155.

4. Хранится в Сольвычегодском архитектурно-художественном музее. Впервые опубликован: А. А. Введенский. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962, вклейка между с. 240 и 241; см. также Г. Н. Бочаров, В. П. Выголов. Указ. соч., с. 12—13.

5. **Н. И. Суворов.** Указ. соч., с. 167.

6. Хранится в ЦГВИА. Опубликован: О. И. Брайцева. Сольвычегодск конца XVII века. — Архитектурное наследство. М., 1976, № 24, с. 78, рис. 3.

7. **Н. И. Суворов.** Указ. соч., с. 168.

8. См. **П. И. Савваитов.** Указ. соч., с. 5—6; И. К. Степановский. Указ. соч., с. 207—208; Н. И. Суворов. Указ. соч., с. 148—149; Б. И. Дунаев. Указ. соч., с. 7; Н. В. Макаренко. Указ. соч., с. 45—48 и др. работы.

9. **Л. Н. Донская, Г. Г. Донской.** Указ. соч., с. 41. Впервые на несоответствие настенной летописи с ее публикациями еще в 1927 г. обратил внимание сотрудник ЦГРМ М. С. Лаговский.

10. Установлено **Л. Н. и Г. Г. Донскими.** См. указ. соч., с. 39—41.

11. Надпись опубликована Л. Н. Донской и Г. Г. Донским, к сожалению, не совсем точно, с рядом ошибок и в современной орфографии. См. об этом Н. В. Удралова. Указ. соч., с. 194.

12. Попытаемся привести надпись в более точном, хотя и не полном виде, так как часть ее находится за боковыми створками иконостаса: «Лета 7068 индикта 3 основа... сии храм Блгвщение престеи Бцы и с приделы при гсдре пре... велико... кнзе Иване Васильевиче всея Руси самодержце и при его блгчстивых црвчех кнез Иване и Феодоре и при митрополите Макарии всея Руси и при архиепскпе Никандре Ростовском. Лета 7092-го иуния, 9 д... осще... сии храм Блгвщение при гсдре цре и великому кнзе Феодоре Ивановиче всея Руси самодержце и при его црце и великой княне Ирине при митрополите Дионисии всея Руси и при архиепскпе Еуфимии Ростовском. А ...сии храм Аникии Федоровичъ сын Строганов и его дети Яковъ Григорий и Семен и его внучата Максим Яковлевъ сын да Никита Григорьевъ сын да Андрей и Петръ Семеновы дети Строгановы по своих родителях и по себе на помят и на поминок ныне и впред. А подписан сии храм с приделом

и олтари стенным письом лета 7109-го маиа 11-го при блговрной црице великои кгне Александре и при гсдре блговерном цре и великому кнз Борисе Федоровиче всея Руси самодержце, при его блговерной црице великои княне и при блгородных чадех црвче кнзе Феодоре Борисовиче и цревне княжне Кс... патриархе Московском и всея Руси и при Врла... а строе... ...веление Никиты Григор... ...аме митрополите Ростовском...».

13. **П. С. Савваитов.** Указ. соч., с. 6—7; Икона упоминается в описи собора 1579 г., где она именуется «первоначальной образ». — Там же, с. 34—35.

14. См. об этом **А. А. Введенский.** Указ. соч., с. 18—52.

15. **А. Соскин.** Указ. соч., с. 42—43.

16. Там же. См. также **П. С. Савваитов.** Указ. соч., с. 18; **Н. И. Суворов.** Указ. соч., с. 149—150

17. Встречающиеся утверждения о серьезных повреждениях здания собора этим пожаром (см., например, **В. А. Ешкелев.** Указ. соч., с. 16—17; **Г. Г. Донской, Л. Н. Донская.** Указ. соч., с. 42) не соответствуют действительности.

18. **П. С. Савваитов.** Указ. соч., с. 23—104.

19. Там же, с. 13. Характерно, что покров также указан в описи 1579 г. (Там же, с. 91).

20. **А. Соскин.** Указ. соч., с. 89.

21. См. **Б. А. Огнев.** Некоторые проблемы раннемосковского зодчества. — Архитектурное наследство, М., 1960, № 12, с. 48—50; **Н. Н. Воронин.** Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. М., 1962, т. 11, с. 292—296, 312—320 и сл.

22. См. **С. С. Подъяпольский.** К характеристике кирилловского зодчества XV—XVI вв. — Советская археология, 1966, № 2, с. 75—95.

23. **Н. Н. Воронин.** К истории русского зодчества XVI века. — Сборник Бюро аспирантов ГАИМК, Л., 1929, вып. I, с. 83—87.

24. **Е. В. Кудряшов.** К вопросу о первоначальных формах Успенского собора в Костроме. — Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 146—150.

25. **П. Б. Юргенсон.** Собор Никитского монастыря в Москве. — Материалы по истории русского искусства. М., 1928, вып. I, с. 17—19; см. также **В. А. Богусевич.** Указ. соч., с. 97; **А. И. Некрасов.** Указ. соч., с. 283; История русского искусства, т. III, с. 466.

26. **В. А. Богусевич.** Указ. соч., с. 98—100.

27. Памятники архитектуры Московской области. Каталог. М., 1975, т. 11, с. 215—217; **Е. Г. Щеболева.** К вопросу о «годуновской» школе в древнерусской архитектуре конца XVI — начала XVII в. — Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Пространство и пластика. М., 1991, с. 44—49.

28. **В. А. Богусевич.** Указ. соч., с. 98.

29. Лишь надвратная церковь Федора Стратилата в Прилуцком монастыре и собор Владычного монастыря в Серпухове лишены такой растянутости в ширину.

30. См. об этом **Е. Г. Щеболева.** Указ. соч., с. 28—29.

31. **П. С. Савваитов.** Указ. соч., с. 77—78.

32. См., например, церковь Благовещенского погоста 1501 г., собор Ивановского монастыря в Москве первой трети XVI в., церковь с. Ильинского Калужской губернии того же времени, собор Владысного монастыря в Серпухове и др. — В. А. Богусевич. Указ. соч., с. 94.

33. **В. П. Выголов.** Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1989, с. 15—16, 23—24 и сл., 92.

34. **П. С. Савваитов.** Указ. соч., с. 18, 108—109; Н. И. Суворов. Указ. соч., с. 153—154.

35. Согласно описанию собора в писцовой книге Сольвычегодска 1625 г. «под церковью и под папертью и под пределы и под колокольницею полаты». (П. С. Савваитов. Указ. соч., с. 110; Н. И. Суворов. Указ. соч., с. 155). По описанию А. Соскина, «под церквами, алтарями и притворами внизу палаты кладовые». (А. Соскин. Указ. соч., с. 82).

36. «С земли в притвор (паперть — В. В.) с западную и северную сторон два каменная крыльца с рундуками». — А. Соскин. Указ. соч., с. 82.

37. **П. С. Савваитов.** Указ. соч., с. 77—97; Н. И. Суворов. Указ. соч., с. 150.

38. Там же.

39 **П. Балов.** Указ. соч.; П. С. Савваитов. Указ. соч., с. 110; Н. И. Суворов. Указ. соч., с. 155.

40. **П. С. Савваитов.** Указ. соч., с. 96.

41. Там же, с. III; Н. И. Суворов. Указ. соч., с. 155.

42. Она была «вновь приделана по западную сторону соборной церкви». — Н. И. Суворов. Указ. соч., с. 155.

43. **А. Соскин.** Указ. соч., с. 82.

44. **Н. И. Суворов.** Указ. соч., с. 167—168.

45. Правда, наличие двух апсид церкви Сретения служит своего рода напоминанием о прежде существовавших здесь двух приделах Козьмы и Демьяна и Трех Святителей.

46. См. **С. С. Подъяпольский.** Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря (XV—XVI века). — Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—XVI вв. М., 1979, с. 454—456.

47. **П. С. Савваитов.** Указ. соч., с. 110; Н. И. Суворов. Указ. соч., с. 155.

48. См. **В. П. Выголов.** О первоначальной архитектуре собора Чудова монастыря. — Средневековое искусство. Русь—Грузия. М., 1978, с. 72 и 80; В. П. Выголов. Архитектура Московской Руси середины XV века, с. 14—15, 23—24, 27—28, 92—93.

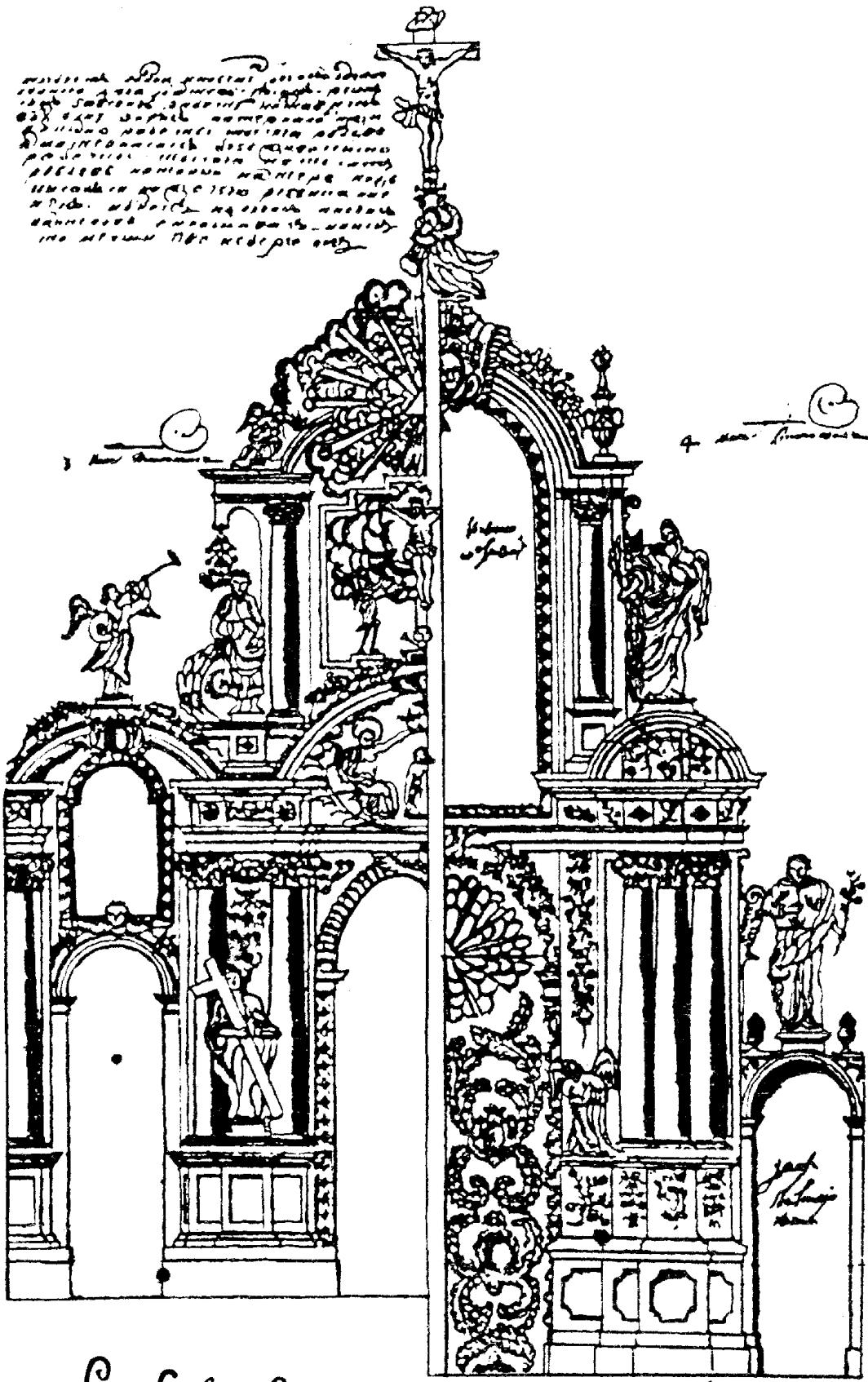
50. См. об этом **О. Д. Савицкая**. Архитектура Соловецкого монастыря. — Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980, с. 64—65; О. Д. Савицкая. Исследования и реставрация Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря. — Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1990, вып. III, с. 102—103.

51. **В. А. Антонова, Н. Е. Мнева**. Каталог древнерусской живописи ГТГ. Опыт историко-художественной классификации. М., 1963, т. II, с. 221—222, № 643, илл. 82.

52. Там же, с. 221—222. Любопытно, что внизу иконы в правом углу изображены члены семьи Строгановых — Семен Аникеевич, его сыновья Андрей и Петр, а также их двоюродный брат Никита Григорьевич.

53. См. **М. И. Мильчик**. Архитектурный ансамбль Соловецкого монастыря в памятниках древнерусской живописи. — Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов, с. 247 и 239.

54. **С. С. Подъяпольский**. Собор белозерского Горицкого монастыря. — Древнерусское искусство. Художественные памятники Русского Севера, с. 334—339.

Общество Историково-Архитектурное
Архивъ Архитектуры · Вып. 1
Первый · Москва · Год 1902 ·

С О Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.	
Вл. В. Седов	Собор Спасо-Мирожского монастыря: иконография и происхождение типа.	3
Вл. В. Седов	О дате собора Николо-Угрешского монастыря.	38
Д. А. Петров	Владимирский собор Новгородского Сыркова монастыря	46
В. П. Выголов	Архитектура Благовещенского собора в Сольвычегодске	77
А. Л. Баталов Д. О. Швидковский	Английский мастер при дворе Ивана Грозного	102
В. В. Скопин	Зодчие и каменщики на Соловках во второй половине XVI—XVII вв.	110
Д. О. Швидковский	Восток-Запад в архитектуре эпохи Просвещения. Шинуазри	117
С. М. Шумилкин	История проектирования и строительства Макарьевской ярмарки в 1804—1816 гг.	134
Г. И. Ревзин	К вопросу о принципе формообразования в архитектуре эклектики	142
М. Д. Тумаркин	История города Зеленограда	165
Ю. Е. Ревзина	Особенности профессиональной традиции в архитектуре итальянского Возрождения	182
П. Хейден	Русское Стоу	197
С. С. Подъяпольский Д. А. Петров	Г. М. Штендер. Некролог	202